

ШКАТУЛКА С СЕКРЕТОМ

«Время вить гнездо» – так назвала Елена Клименко свою новую книгу стихов – образец интеллектуальной поэзии, для понимания и наслаждения которой требуется досуг и способность к анализу и самоанализу. Стихотворения Клименко подобны «шкатулке с секретом», что, с одной стороны, ограничивает а priori круг читателей, а с другой – вознаграждает усилия понимания тех немногих, которые, подобно дегустаторам, способны оценить тонкость вкуса. Стихотворения Елены Клименко – попытка рационального исследования иррационального.

Елене Клименко, живому человеку, автору и лирическому герою, присуща бескомпромиссность в выборе тем и художественных средств их реализации: вразрез ироническому замечанию пародиста О. Кислицкого о наличии в поэзии двадцати восьми с половиной тем, Елена Клименко утверждает своим творчеством существование лишь одной темы – инвариантной темы любви, взятой в различных её модальностях – одиночества, экзистенциальной тревоги, любви ко всему живому как претворению Бытия, привязанности к «наличному», реальному и тоски по Несбывшемуся, идеалу, Любви как траектории между Жизнью и Смертью («умирание – тоже искусство...», «Человек умирает. Остаются детали...»). Вместе с тем, собственно любовная лирика в традиционной её интерпретации составляет здесь скорее исключение – немногим прозрачным по образному строю любовным стихотворениям противостоит лирика иного рода – медитативно-созерцательная, рефлексивная.

***И жало нежности, вошедшее под кожу,
Фантомной болью отзывается в лопатках.
Ты не была ни будущим, ни прошлым,
Сама с собой играла в прятки.***

***Строга почти архитектурно,
Считалась Снежной королевой:
Лёд и жажда,
Не удержалась – брякнулась с котурнов
Снегурочкой,
Растаявшей однажды.***

Поскольку любовь не бывает разделённой в принципе

(«Нас разлучает всё – полеты птиц...», «Мои стихи о тебе, твои – о совсем другой...»), в мире царит трагическая асимметрия. Тотальная недостаточность Бытия проявляет себя в неразделённости любви, в непознаваемости мира, в недостигаемости Истины и прочих «не-». В асимметричном, нестабильном мире человек обречён БЫТЬ или стать самим собой – через самопознание, через погружение в глубины бессознательного, через достижение самоидентичности («Идёшь, несёшь свою ранимость...», «Я женщина с яблоком», «Моя заповедь – ускользать», «Не буду говорить, что я – сильная», «Выходить из сумрака своего «я», «От жизни бабочек, порхающих беспечно», «Пыталась», «Вечные мотивы» и др.). Открытость миру таит в себе угрозу смерти, поэтому жажде свободы («Словно вольны мы, словно мы – тигры») в творчестве Елены Клименко противопоставляется обречённость на спасительное Вечное повторение в его нищезанском, философском смысле: «Но дороги ведут не в Рим, Все дороги ведут – Домой» («Жизнь цвета молодого песка»), «Уснуть, уснуть, увидеть дальний берег./ Тревожные дороги и события./ Вернуться в тот же дом, на то же место/ И дальше жить, не делая открытий» («Уткнуться в ночь как в чёрный свитер»), «Повторение жизненных ситуаций наводит на мысли...». С лейтмотивом дома в поэзии Елены Клименко связана идея потребности человека в любви, опоре («Дальше, дальше девочкой на шаре/ Закатиться за мужчину с кубом», «Всё теплеет, теплеет плечо/ От простого присутствия рядом...»), понимании, разделённости Бытия и быта, образ уюта (дом, плед, кошка). Образ Дома, центральный в сборнике «Время витья гнезда», ассоциируется со стремлением к житейской устроенности, противопоставляемой библейской бесприютности, экзистенциальному сиротству и отчуждению, с идеей со-стоятельности, достижения духовных высот. Гнездо – это не только художественное решение архетипического образа «Дома», но и метафора любовных объятий, метафора свободы и счастья. Если любовь не бывает разделённой, то условие счастья – разделённость. В отсутствие счастья как разделённости судьбы женщине выпадает один жребий – ждать: «молчать! ждать!» («низкие чувства...»), «просто есть наверно каста тех, которых нигде не ждали...» («спать в ладонях чужих»). Ожидание, как и Возвращение, – вечно. От мотива вечности – один шаг к мотиву Времени, который звучит и в названии поэтического сборника и его структуре (Времена года. Лето; Вечнозелёное время), и во многих стихотворениях, являясь контекстом всей книги («Время следит за тобой»). Мотив Времени раскрывается через образы со-временности и со-временников, равноудалённых от идеала, повторяющихся друг в друге и делящих одну судьбу. Образ современности Елены Клименко противоречив, – реалии современной жизни часто выражаются посредством образных и языковых архаизмов, библеизмов, языческих мифологем. Что касается «темы Родины», то образ «Рассеи» уступает по частотности образу малой родины («Поездка на родину»), который, в свою очередь, оказывается разросшимся «домом». Другая особенность темпоральности творчества Елены Клименко заключается в том, что Настоящее, ещё находящееся в становлении, уже является предметом ностальгии:

**Никто не виноват, что кризис жанра.
Накрылся медным тазом – и не жалко.
Осталось лишь рассудка помраченье,
Да теплый чай, да мятое печенье.
Остались только вялые уловки,
И где-то там в лесу, где бродят волки,
Осталась почти волчья тоска
По небесам, укрывшим эту землю
Так, что расплылся радугою край,
По бабочкам, по птицам, по животным,
Простому хлебу, просторечья ноткам.
По шалашам, в которых с милым рай.**

При всей созерцательности поэзии Елены Клименко она менее всего связана с описанием видимого мира. Скорее, эта реальность образуется в зоне перехода восприятия в чувство и мысль. Минимальный зрительный импульс служит стимулом потока сознания, но наиболее плодотворными стимулами поэзии Елены Клименко являются осязание и слух, – слова уподобляются различной по фактуре материи, тембрам различных музыкальных инструментов, и в большей степени – звукам флейты, излюбленного инструмента культур Востока. Поток слов сопоставим с музыкальной импровизацией, и дело тут не только в звукописи, которой в стихах Елены Клименко действительно много, а в особенностях драматургии, в пристрастии к метроритмическим изыскам, даже изломам. Как и в музыке, в поэзии образный строй задается ладом и тональностью. Если развить эту параллель, то обнаруживаешь, что в сборнике «Время витья гнезда» преобладает минор с большим количеством бемолей, что создает общую атмосферу «матовости», «шероховатости», лишь изредка нарушаемую диззными арабесками.

Эстетический идеал Елены Клименко ближе всего к ценностям восточных культур. Это проявляется и в опоре на специфические для восточных культур жанры (в книге читатель встретит ряд великолепных хокку, как самостоятельных, так и встроенных в структуру более развернутых стихотворений: «Дерево. Облако. Птица. В титрах одна тишина... Кому-то приснится...»), в частом использовании приёма кумуляции, в обращении к традиционным для Востока образам-символам (Инь и Ян, хризантема и др.), к композициям типа «шара в шаре», в медитативном строе, утверждении самоценности самого процесса письма и всего, что связано с ним, вплоть до писчих принадлежностей, в опоре на парадокс и афористичность. А. Бергсон в своей книге, посвященной смеховой культуре, заметил, что источником юмора является преодоление привычного автоматизма поведения человека в новой для него жизненной ситуации. Елена Клименко убедительно доказывает, что порой автоматизм каждодневных дел и мыслей, сам принцип повторяемости является надежным средством удержаться по эту сторону реальности, средством избежать сумасшествия, – спасением от абсурда и отчуждения.

Поэзия Елены Клименко – это поэзия состояний, в ней «сюжетом» является поток переживаний. Вся громада мира интересует Клименко лишь постольку, поскольку она находит отражение в микромире лирического героя. «События», происходящие в макромире, будь то смена времени года или полёт птицы над Домом, оказываются преломленными творческим воображением поэта, «следами». Напротив, малейшие движения души поэта проступают масштабно, выпукло, словно увиденные при помощи лупы.

Поэта и его лирического героя связывают непростые отношения. В стихотворениях Елены Клименко редко встретишь местоимение «Я», речь ведется от лица «Ты». Остаётся тайной, то ли это Другой, то ли – «Я» в новом измерении, обозначенном Встречей, – приближением, распознаванием собственной сущности. Во всяком случае, стихи Клименко скорее монолог, чем диалог. «Я» лирического героя балансирует между состоянием зиготы как потенции и «Ты» как интенции пресуществования.

Озабоченность своим «Ты» как ипостатью «Я» вызывает в памяти центральный конфликт драмы Шекспира – «быть или не быть». Гамлетовские мотивы возникают в связи с желанием «сбыть» (– Е.К.) – исполнить, осуществить потаённые, сокровенные желания. В сборнике «Время витья гнезда» Время – это не только философская категория наряду с категорией пространства, но и осмысляемая с онтологических позиций грамматическая категория. В стихах Елены Клименко достаточно часто встречаются эллиптические обороты, основанные на кумуляции действия, передаваемого с использованием безличной формы глагола, которая в ряде случаев тождественна форме глагола в повелительном наклонении. Таким образом осуществляется превращение желания в потребность, этический императив.

Отношение поэта Елены Клименко к традиционной теме «поэта и поэзии» раскрывается в ревности к Слову звучащему и написанному, в отождествлении творчества и жизни:

**мы говорили стихами,
они набегали волнами,
вселенскую жажду для,
они настигали каждого,
кто себе этого позволял.**

В другом стихотворении творчество выступает как высшая цель жизни, неизбежность:

**вспомнить детское стремление –
прыгнуть выше головы
и пупырчатое солнце
сжать в изогнутых руках.
полететь – хотя бы низко –
и забросить мяч в корзину –
сбыть мечту о тёплом доме,
об уюте у огня...
только цель моя другая –
тянешь к небу позвоночник,
каждой мышцей извиваясь,
каждой мышцей чуя боль,
чтоб забросить в Вечность Слово –
крепкосбитый шар упругий.
ничего нет меньше слова.
больше слова тоже нет.**

